

ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ

О.П. Трубачева

По возрасту я была близка к Кире. С ним мы в детстве и играли. Вася был уже взрослый, а как играла Тика, я совсем не помню. Помню только, что у нее было огромное количество кукол, и есть такая фотография, где она снята со всеми своими куклами, а косы заложены бараночками.

Я в куклы играла с самого детства до 14 лет. У Васи была кукла Катя¹, к которой потом прибавилась Нина, получившая имя в честь Кати и Нины, двоюродных сестер мамы (А.М.Гиацинтовой). Была «французская» кукла Муся с фарфоровой головкой². У Киры — кукла Татьяна Ивановна. Однажды мама увидела, что она стоит в углу вниз головой. На удивленный вопрос Кира ответил, что у нее «душа ушла в пятки», и ее надо вернуть на место. Куклы воспринимались нами как дети. У Киры был любимый Мишка с заплатами на лапах. Он звал его сынком. Я очень любила шить, вязать на кукол, но это не была модная одежда. О моде никаких мыслей не было. Интересы к ней — тоже. Мама за модой не следила, не одевалась специально по моде. Самая любимая, даже обожаемая, была последняя кукла, которую я выпросила у мамы. Маленькая, сантиметров 10, целлулоидовая, стриженная, в туфельках с носочками. Имени она не имела, и обожание это было прямо с куклы перенесено на Сережу. После этого игра прекратилась. Учились мы тогда в седьмом классе школы, а Сережа ходил в коротких штанишках.

Софья Ивановна Огнева (жена Ивана Фроловича Огнева) часто к нам приходила и занималась нами, детьми.

Она подарила мне куклу-пупса Андрюшу. Одежда для него была заказана специально белошвейке. Ведь тогда Сергиев Посад был игрушечным центром, а одевание кукол и шитье на них — видом женского ремесла. Дешевых кукол одевали прямо «на клею». Костюм клеили прямо на куклу, и он уже не

¹ С ней мама на фотографии 1922 г. (сохранилась).

² Эта кукла, по словам Тики, еще Анны Михайловны. Она сохранилась.

снимался. А у Андрюши было два костюма. Один простой — синие штанишки и кепочка, серая рубашечка. Другой боярский — синяя рубашка с разводами и с позументами, высокая атласная шапка, отороченная мехом, сапоги с отворотами. Кафтан или шуба — не помню.

Софья Ивановна рассказывала мне, сидя на скамейке в саду у Пивоваровых, что под ножкой этой скамейки есть ход в подземное кукольное царство. Об этом царстве я много рассказывала на ночь в детской. Олсуфьева Софья Владимировна, жена Юрия Александровича, привезла и подарила нам две соломенные крестьянские куклы-матрешки из своего имения. Большие, около метра высотой, из целого снопа. С руками, но без одежды. Я их одевала.

Были у нас и Посадские деревянные, трехгранные из чурок, в кокошниках. У Киры были такие солдаты в папах с саблей наголо. На столе он устраивал целые битвы оловянных солдатиков. Был макет Лавры из деревянных кубиков.

В 1924 году мама с папой подарили мне книжку о лесных человечках (там стоит точная дата). Это было самое большое впечатление от книги в детстве. Я ее воспринимала как действительность. Очень любила книжку «Ветерок» и ставила на тему «Ветерка» пьесу. Я в ней была Ветерком. Был еще журнал «Светлячок» — старый, остался от кого-то в лапше. Вообще детских книг было немного. Папа книги дарил редко. Их тогда было мало. Маршак для маленьких «Детки в клетке». «Поезд» Ефимова. «Сказка о пчелке мохнатке» Авенариуса. Не помню, чтобы читала нам мама. Папа читал «1001 ночь» на ночь, а Кира японские сказки «Нихан Бухаси Монаси». В большом почете были сказки Андерсена. Были еще сказки Афанасьева, «Легенды о Христе» Сельмы Лагерлеф, Майн Рид, Жюль Верн, Диккенс, которого читала, обливаясь слезами. Лет в двенадцать мама подарила мне книгу «Сибирочка» Чарской. Много книг нам было передано от Кубышкиных. Среди них Лукашевич и книги на немецком языке. Видимо, отдали, когда Кубышкиных раскулачивали. Они, кажется, были фабрикантами. Дом их на Вифанской улице №2.

Научилась читать я поздно. Лет восемь-девять. В школу пошла в девять лет. Школа была ужасная. Помещалась в здании старой гимназии против теперешнего ресторана «Север», против «Кулинарии».

Во второй ступени перешла в школу им. РКК, где памятник Загорскому. Напротив была «Белая школа» — старая гимназия с дровяным отоплением, угаром. Химия проходила в одном здании, а математика — в другом. Ходили из здания в здание.

Папа хотел, чтобы я занималась росписью с отцом Аффонием. Я принесла ему как-то свой рисунок — русалка на дереве. Он посмотрел — сказал: «Что-то тоща». Заниматься не стал. Я думаю, что не увидел у меня необходимых способностей.

С Марией Владимировной Фаворской рисовала фарфорового голубя, все подбирала цвет. Мария Владимировна смеялась: «Уж очень добросовестна!»

С Софьей Ивановной Огневой занималась французским языком. Сохранилась тетрадь с выполненными заданиями и рисунками.

Когда Кира хотел меня наказать за что-нибудь — угрожал: «или на клен посажу, или крапивы в штаны наложу». В сарае он устраивал музей. Однажды мама (Анна Михайловна) услышала страшный крик и плач, раздающийся со двора. Выбежав из дома, увидела Киру, который, несмотря на сопротивление, тащил меня на веревке в сарай. На вопрос «Что ты с ней делаешь?» — ответил: «Я хочу, чтобы она была экспонатом в моем музее»).

Вместе с Никитой Фаворским часто играли дома в игру «Потерялись». Как будто шли в лес, заблудились, и начиналась жизнь в лесу. Вся игра затем шла под столом, изображающим шалаш. Любили играть в плавание на доске, попадали в крушение, а потом жили на необитаемом острове.

На улице чаще всего играли в казаки-разбойники, козло-мазло (мяч загоняют в ямки), чижики, которых Кира всегда делал сам. Ходили под предводительством Киры в лес с палками бить Бабу-Ягу.

С подругами по улице я играла в дочки-матери и в театр. Пьесы или придумывали сами, или играли сказки, прочитанные в книгах. Я приставала к тете Гесе, чтобы она сочинила пьесу, но она говорила, что сочинять, то есть врать — нехорошо.

Чаще всего я наряжалась в пажа: накидка с перьями, берет, штаны. Представления показывали зрителям или в саду, или в доме. При этом я стеснялась до слез.

Совсем еще маленькой очень любила плясать. Заставляла отца (Павла Александровича) играть на пианино «Ах вы сени» и плясала до упаду. Он сердился, но играл. Мама (Анна Михайловна) его уговаривала, упрашивала.

Плясала и под граммофон у С.И.Огневой. Плясала так, что и Софья Ивановна не выдерживала и начинала плясать со мной. Прислуга говорила: «Вот у нас барыни как умеют плясать! И на граммофоне играть умеют и плясать умеют».

Рождество праздновалось в течение нескольких дней. Были вечера, по очереди – то у Фаворских, то у Чумаковых. У нас елку ставили всегда до потолка в большой комнате. Сами делали елочные украшения. Бумажные цепи, орехи, обернутые фольгой. Вешали над елкой бумажных ангелов, сделанных Владимиром Андреевичем Фаворским. Они «летали» от зажженных свечей. Под елкой клали подарки. Их покупал папа специально. Обычно это были куклы, игрушки, карандаши, всякие тетради, украшения. В Москве был магазин, где продавали украшения из полудрагоценных камней. Они были дешевы и очень красивы. Папа часто покупал там брошки, бусы. Одевались на Рождество нарядно. Мика всегда забирался под елку и потрошил свертки с подарками. У него был большой шелковый бант на шее, который однажды загорелся, когда зажигали свечи. Мне надевали шелковый широкий розовый пояс, который завязывался сзади на бант.

Водили хороводы. Владимир Андреевич Фаворский всегда водил хороводы вместе с детьми. Мария Владимировна Фаворская показывала театр теней. Сама рисовала настольную игру «Золотой гусь». Играли в нее и дома, и у Фаворских. Папа показывал опыт «Фараоновы змеи». Однажды на Рождество Кира нарядился в девицу и пошел наниматься в няньки к Комаровским. Там его встретила старая нянька, которая страшно рассердилась, не узнав его и испугавшись за свое место. На Масляницу наряжали лопату и ходили с ней по улице. На Пасху катали яйца и деревянные, и настоящие. Кательный лоток должен еще сохраниться в доме.